

Ерзнкян Б.А.

д-р экон. наук, профессор,
заведующий лабораторией
Центрального экономико-
математического института
ФГБУН «Центральный
экономико-математический
институт Российской академии
наук», профессор кафедры
институциональной экономики
ФГБОУ ВО «Государственный
университет управления», Москва

e-mail: yerz@cemi.rssi.ru

Институциональная экономика: риторика и мифы

Аннотация

Статья посвящена анализу применения риторики в институциональной экономической теории, трактуемой в различных аспектах – оценочном, дисциплинарном, инструментальном. При рассмотрении риторики с оценочных позиций акцент сделан не на позитивной и нейтральной, а на ее негативной – для реципиентов – трактовке. В плане дисциплинарном, или отдельных научных направлений, основное внимание уделяется системному, а также эволюционно-институциональному подходу. Подробно анализируются риторические приемы, служащие инструментом манипулирования целевой аудиторией. На примере исследования места и роли культурного кода в экономических исследованиях показано, какими риторическими способами в научный оборот вводятся мифы.

Ключевые слова:

институциональная экономика, риторика, мифы, реципиенты.

Yerznkyan B.A.

Doctor of Economic Sciences, Pro-
fessor, Chief of Laboratory, Central
Economics and Mathematics Insti-
tute, Russian Academy of Sciences,
Professor, Department of Institutional
Economics, State University of Man-
agement, Moscow

e-mail: yerz@cemi.rssi.ru

Institutional Economics: Rhetoric and Myths

Abstract

This article analyzes the application of rhetoric in institutional economics interpreted in various – evaluative, disciplinary, instrumental – aspects. When considering the rhetoric with the evaluative position the emphasis is done not on the positive and neutral, but on its negative – for the recipients – treatment. In terms of disciplinary or specific scientific fields, the main attention is paid to the system, as well as evolutionary-institutional approach. A detailed analysis of rhetorical instruments that serve as a tool for manipulating the target audience is done. On the example of the study of place and role of cultural code in economic research it is shown by which rhetorical means myths are introduced into scientific circulation.

Keywords:

institutional economics, rhetoric, myths, recipients.

Наука, в том числе экономическая, и ее институциональное направление не исключение, насыщена риторикой, не зависимо от того, осознается это или нет самими учеными. Используется она в качестве механизма порождения смыслов, средства убеждения и переубеждения, воздействия на аудиторию, доказательства выдвигаемых идей. Экономическая литература, посвященная риторическим вопросам, ассоциируется в первую очередь с такими именами, как Д. Макклоски [21], А. Кламер [20]. В их работах, а также в части литературы по риторике, где критике подвергается доминирующая в ортодоксии методология с ее акцентом на объективизме и тестировании гипотез, подчеркивается значение для научного познания, помимо языка, текста, [стиля] автора, [восприятия] читателя или слушателя и прочих факторов и параметров риторики, всего сопровождающего ее контекста. Проявляется оно в том, что «не только теория реализует себя в языке, но и сама практика, экономика как таковая осуществляется людьми через слово и не может быть понята вне этого контекста» [17].

В целом те или иные исследования и полученные в них результаты – при всей их значимости как таковой – не были бы столь продуктивны, не будь они донесены до научной общественности или иной заинтересованной в них аудитории. Как донести, чтобы максимально прояснить или, наоборот, исказить смысл исследуемого объекта, если такова поставленная перед исследователем задача, – во многом это зависит от используемого языка, его контекста, средств выражения и прочих приемов, традиционно ассоциируемых с риторикой.

Целью настоящего исследования – рассмотреть существо риторики, ее типы и формы, мифы и иные риторические приемы, используемые сторонниками институциональной экономики при письменном или устном представлении [результатов] своих исследований.

Оценочная трактовка риторики

Риторикой можно использовать в различных смыслах. В ценностном плане она может иметь как *позитивный* (средство выявления особенностей эко-

номического мышления и инструмент ораторского искусства, способного донести до слушателей направленные им мысли и идеи), так и *негативный* (средство не выявления и доведения истины, а наоборот, ее замутнения и фальсификации) оттенок, смысл. В ситуации, когда грани оттенков нечетко выражены и оценки затруднительны, можно говорить о риторике в *нейтральном* смысле. При наличии различных оценочных смыслов следует отметить, что в последнее время «слово *риторика* приобрела уничижительное значение», хотя «вплоть до XIX в. оно обозначало просто способы воздействовать на аудиторию с помощью тщательного построения речи; это – искусство говорить или писать убедительно» [1, с. 28].

Особый интерес для целей настоящей статьи представляет именно такая, с уничижительным значением, негативно-заряженная риторика, к которой особенно широко прибегают в выступлениях, рассчитанных на выбранную в качестве объекта воздействия целевую – неискушенную или же, напротив, достаточно подготовленную – аудиторию, в том числе академическую, образовательную. Изучать эту риторiku важно для предвидения ее последствий. Так, антиисторичный и антиинституциональный характер неоклассической теории исправно служил ограничительным фактором для взявших ее на свое вооружение реформаторов, предопределяя многие из последующих ошибок и делая неизбежным расхождение между реформаторской риторикой и сопровождающей ее социально-экономической реальностью.

Почему люди вообще и ученые в частности прибегают к риторике, особенно «негативной»? Напрашивающийся ответ о злом умысле может оказаться не всегда верным, ведь людьми может двигать вера в свою правоту, которую они стремятся донести средствами, какие у них имеются (хотя установка на то, что «цель оправдывает средства», сама по себе негативна). Казалось бы, причем здесь вера, коль скоро речь идет о науке? Но это только на первый взгляд, и ничего ненаучного в этом нет, если разделять точку зрения, что элемент веры присутствует «в любой научной дисциплине, ибо замкнутых систем аксиом не существует. Значит, мы не можем ограничить себя чисто логическими выводами. И, следовательно, мы всегда вынуждены опираться на нечто **правдоподобное**» [15, с. 199].

Такая вера присуща многим и особенно радикально настроенным ученым – к примеру, приверженцам современного либерализма, возводящим «нечто правдоподобное» в абсолют и не оставляющим места для сомнений. Примечательно, что ве-

рующие в свою правоту особенно не заботятся о выстраивании строгой цепочки логических заключений, конечное звено которой может быть контролируемо или наблюдаемо. Риторические приемы при этом могут оказаться теми же самыми, что у верующих, что у неверующих носителей риторики: важна не эта вера как таковая, а то, чтобы в истинность высказываемых утверждений поверили ее адресаты.

Для иллюстрации оценочной, или ценностной, риторики обратимся к статье В.Л. Тамбовцева о культурном коде в экономических исследованиях, который он относит к мифу [19]. Само употребление слова «миф» риторическое и, если уж не негативное, то, по крайней мере, нейтральное. Современный подход к включению фактора культуры в экономические исследования с национальной культурой как реифицированной (reified) сущностью, измеряемой социетальными (societal) ценностями и трактуемой зачастую в качестве «культурного кода» автор относит к мейнстриму и вступает с этим в полемику. Для усиления своей позиции он абсолютизирует использование культурного кода и, ссылаясь на работы, отвергающие такое понимание национальной культуры, предлагает альтернативную методологию экономического анализа культурных феноменов. Фундамент альтернативы таков: во-первых, каждая массовая культурная практика должна изучаться отдельно, а во-вторых, всякий раз следует проводить анализ выгод и издержек всех вовлеченных в конкретные процессы лиц. Поскольку современный подход основан на принципе холизма – культура выступает овеществленной сущностью, действующей на людей извне, – ему противопоставляется подход, базирующийся на принципе методологического индивидуализма, хотя и без употребления этих слов.

Парадокс ситуации заключается в том, что при более широкой трактовке культуры как института мейнстрим институциональной экономики, особенно новой, базируется на принципе не холизма, а индивидуализма. Это – во-первых, а во-вторых, возникает вопрос, для чего нужна абсолютизация культурного кода, ведь своих целей автор мог бы добиться и без него. Ведь даже на уровне здравого смысла ясно, что индивиды и группы следуют предписаниям неформальных институтов (норм, культуры, кодов и др.), но далеко не беспрекословно: их поведение кодифицировано, но не фатально, а значит, и долженствование не возведено в превосходящую степень, и оно не очень-то далеко отстоит от возможности. В своих действиях люди обладают степенями свободы, находясь где-то между «могут»

и «должны» [8, с. 113]. Важно, что они пользуются различительным и императивным перечнем предметов в качестве любого другого морального или институционального кода.

Получается, что противопоставление институциональной *среды* культуры (которая мыслится как независимая от людей сущность, способная оказывать на них воздействие «извне») ее пониманию как *процессу* (когда культура как таковая возникает в результате действия людей как бы «изнутри») является собой не что иное, как использование риторического приема. Все бы еще ничего, если бы не претензия на то, чтобы такой подход «изнутри» назывался системным. В системной теории экономики и современного управления Г.Б. Клейнера [10], в которой система представляется как совокупность четырех подсистем – среды, объекта, процесса и проекта, рассмотренные подходы были бы элементами одного, интегрирующего их, подхода. В общем случае средовая и процессная трактовка могли быть дополнены объектной и проектной интерпретацией культуры. Все они вместе составили бы единый системный подход. Но задача автора – если осознанная, то это риторика негативная, если неосознанная, то это риторика нейтральная – состояла не столько в желании системной трактовки культурного кода, сколько в критике средового к нему подхода (миф и только!) с выдвиганием процессного в качестве естественной(!) альтернативы.

Дисциплинарная трактовка риторики

Помимо ценностных смыслов к риторике могут быть применены и иные подходы, скажем, по *научному направлению* и/или *дисциплинарному* принципу, когда прибегающие к риторике люди отдают свои предпочтения одному из направлений, как правило, в ущерб другим. Так, в риторике новой институциональной экономической науки можно выделить, вслед за Д. Расковым [18, с. 91], *правовую* риторику Р. Коуза, *организационную* О.Уильямсона и [не столько историческую, сколько] *синтетическую* риторику Д.Норта. Имея в виду институциональную экономику в широком смысле, к этому можно добавить *inter alia* такие формы риторики, как *системную* Корнаи, *системно-интеграционную* Клейнера, *эволюционно-институциональную* Маевского–Малкова, *целостно-управленческую* Зарнадзе, *либеральную* (критика которой приведена в [7]) и пр.

Примечательно, что риторика различных авторов может вступать друг с другом в различные отношения: противоречить друг другу, взаимно подкреплять, пересекаться и т.п. Так, риторика В.И.Вернадского в отношении ноосферы вдохновила А.А.Зарнадзе

на разработку целостной парадигмы управления, в которой элементы хозяйствования связываются иерархически от микро- через мезо- до макроскопического и еще выше – вплоть до уровня ноосферы. Предприятие «как органическая часть государственной целостной системы управления должно быть объективно ориентировано на реализацию целевой функции государственного управления (уровень макроэкономики), что не отрицает, а предполагает наличие собственной целевой функции хозяйствующих субъектов (уровень микроэкономики)» [9, с. 69]. Что касается социально-экономических систем, составляющих основу теории целостности, то под ними понимается «такое единство взаимосвязанных и взаимообусловленных функциональных элементов, которые способны осуществить расширенное воспроизводство своего интегративного качества за счет собственных финансовых ресурсов» [9, с. 71].

Риторика Я. Корна в системной ее части была подхвачена и творчески развита Г.Б.Клейнером, что выразилось в четырехзвенном представлении системы. Остановимся на одном из аспектов этого разнородного и в то же время единого понятия, имеющего для организации эффективного управления социально-экономическими системами непреходящее значение, а именно на миссии:

- **объектных** систем, что выражается в *организации* разнородных элементов в единое целое в ходе систематического производства продукции;
- **средовых** систем, выражаемой в *коммуникации* и *координации*, создании условий для обмена между различными компонентами экономики, в том числе трансакций;
- **процессных** систем с акцентом на *гармонизацию* деятельности и состояние всех экономических систем;
- **проектных** систем, миссия которых заключается в инновационной *трансформации* других видов систем, диверсификация [10, с. 10].

При рассмотрении инновационных процессов в динамике и их участников в качестве популяции В.И.Маевский и С.Ю.Малков, соглашаясь во многом с Корна, по некоторым вопросам с ним расходятся. Во-первых, ставится под сомнение, что между капитализмом и техническим прогрессом существует *причинная связь*, которую «большинство граждан постсоциалистических стран не понимают» [12, с. 4] во-вторых, что «люди пользуются всеми благами капитализма..., не признавая, что все это без исключения плоды презираемой и ненавистной им капиталистической системы» [12, с. 24–25]. Возражения таковы:

1) риторика Корнаи не совсем корректна, во всяком случае, применительно к СССР, чей опыт трактуется исключительно как негативный, а система — как несостоятельная в инновационном смысле по причине неспособности ее субъектов действовать подобно шумпетерианским предпринимателям;

2) попытки смягчения или преодоления ностальгических настроений в обществе посредством пропаганды инновационной мощи капитализма вряд ли могут увенчаться успехом. Причина обреченности пропагандистско-риторических способов обращения граждан в свою веру кроется в истоках этой ностальгии, ничего общего не имеющих с непониманием этой мощи. Ее истоки лежат «в понимании, особенно гражданами старшего поколения», но не инновационной мощи капитализма, а того, что «социализм основан на иной системе ценностей, на иной нравственности, иной морали, иной системе распределения доходов» [13, с. 217]. При этом они сами формируют свою теорию вместе с сопровождающей ее риторикой под влиянием Дж.Дози. Соглашаясь с ним в вопросе о необходимости достичь координации поведения сложных развивающихся систем только в динамике, они в развитие эволюционной парадигмы предлагают модель скоординированного роста экономики, основанного на возможности перехода «от режима скоординированного роста к режиму раскоординированного и наоборот». Для имитации таких ситуаций предлагается разработанная ими «модель переключающегося режима воспроизводства» [14, с. 241].

Инструментальная трактовка риторики

Под инструментами понимаются риторические приемы, средства, с помощью которых исследователи обеспечивают достижение собственных целей. Риторические приемы преобладают, как правило, в общественных, включая экономику и управление, науках, в которых велика роль культурного измерения. Они могут быть много- и разнообразными, причем, как правило, безразличными к ценностям, отраслевым и иным трактовкам. И хотя это так, ниже рассмотрим ряд приемов, используемых, в частности, либералами для реализации проекта свободной рыночной экономики и его победы во всем мире. В этой связи в работе Б.А. Ерзнкяна [7] отмечается, что основная идея *классического либерализма* — свобода в рамках закона, рыночный капитализм, беря начало в Англии и Шотландии, распространяется далее на США. В случае *социального либерализма* важную роль играет понятие общности (*public*), общественного участия, демократии. Со временем эти виды либерализма при-

шли в противоречие: социальные либералы стали выступать не за ограничение государственного вмешательства в экономику, как этого требовали классические либералы, а за его усиление. Со временем либерализм несколько поутих, но в середине XX в. в виде *неолиберализма* он вновь ожил, и в ход опять пошли аргументы в пользу «минимального государства», безбрежного рынка и пр. Критика сводится к следующему: неолиберализм выступает в качестве универсального средства для лишения всего конкретного своей специфичности, историчности с имманентно присущими обществам институтами. Для проведения антиинституциональной и антиисторической линии переустройства стран возникла потребность в убеждении потенциальных реципиентов своей идеологии в ее единственности и правильности. Для этого все средства хороши, включая и риторические [7, с. 6–8].

Приведем примеры риторических инструментов, или приемов, взятых на вооружение приверженцами современной либеральной идеологии.

1) «Невинный обман» (*innocent fraud*). Понятие позаимствовано у Дж. Гэлбрэйта, описавшего, как создаются и укореняются в массовом сознании мифы, призванные завуалировать истинную суть «свободной рыночной системы» [3].

2) «Ссылки на теоремы, релевантность которых сомнительна». Пример: ссылки на теорему Коуза для оправдания массовой приватизации в России 1990-х гг. [4].

3) «Эмоциональное воздействие». Пример: Я. Корнаи в своем знаменитом памфлете — «страстном» (или «запальчивом»), по его признанию [11], — на рубеже 1990-х гг. пытался донести до читателя свое слово об экономической целесообразности и жизненно важной настоятельности перехода социалистических экономик к рыночной форме хозяйствования, от тоталитарной системы к демократии. Психологический крен в сторону [классического] либерализма понять можно, ведь Корнаи писал о системе, будучи в ней самой. Тем не менее не это придает его риторике оттенок негативности: «Его подводит использование либеральной риторики к плановой системе вообще, и то, что в целом справедливо применительно к Венгрии, становится сомнительным при обобщении» [7, с. 15].

4) «Капитализм — технический прогресс — рост благосостояния». К ранее сказанному о критике Маевским риторики Корнаи добавим методологическую несостоятельность поиска причинно-следственной связи между капитализмом и техническим прогрессом (и ростом) на базе нерелевантного теоретического инструментария — нерелевантного как с либеральной, так и противостоящей либеральной —

марксистской — точки зрения. Эволюционно-институциональная риторика предлагает альтернативу и либеральному, и марксистскому пониманию причинно-следственной связи вышеприведенной цепочки. Суть ее выражается в модели *переключающегося режима воспроизводства*, ломающей установившиеся стереотипы экономического мышления, согласно которому экономика в состоянии воспроизводить саму себя и потребительские блага одновременно. Утверждается, что: а) стоимость потребляемого основного капитала, вопреки Кенэ—Марксу, умирает вместе с физическим телом основного капитала и воспроизводится вместе с воспроизводством основного капитала *in natura*; б) в новой теории воспроизводства стоимость, вопреки позиции Бём-Баверка, Парето, Сетогна, Самуэльсона, трактуется как сила, регулирующая важные ценовые соотношения в экономике. Именно эта сила способствует выходу экономики на так называемую траекторию *скоординированного* экономического роста.

5) «Неполное цитирование». Имеется в виду не преследование целей экономии на словах, а реализация посредством этого бесхитростного приема замысла искажения авторской мысли с помощью его же [вырванных из контекста] слов.

6) «Навешивание ярлыков». Прием преследует цель бросить тень на автора — явным или неявным образом.

7) «Бездоказательное утверждение». Ссылаясь не только на монетаристскую теорию, но и на элементы институциональной экономики, не утруждая себя доказательствами, сторонники и проводники реформ пытались убедить российскую общественность в их необходимости. Что касается институциональной подоплеки, то она сводилась к риторике в защиту института частной собственности и свободы предпринимательства, понятой в самом вульгарном смысле: «хватай что можешь, делай что хочешь».

8) «Логический сбой». Он может быть как преднамеренным (риторика используется сознательно для подтверждения своей истины), так и непреднамеренным (логика дает сбой на самом деле, без намерений автора).

9) «Эволюционный детерминизм». Отражает стиль мышления о социальных изменениях так, будто «в обществе определенного типа существует только «один путь вперед», при этом каждое общество, относящееся к этому типу, должно в какой-то момент вступить на него. Если в каких-то обществах «родовые модели развития», существующие и повторяющиеся во всех обществах по предположению, «не обнаруживаются», то это интерпретируется как отставание в развитии [2, с. 435–436].

Реципиенты риторики

До сих пор мы говорили о риторике, преобладающей, как правило, в общественных, включая экономику и управление, науках, в которых велика роль культурного измерения, с позиции экономистов. Риторическое поведение экономистов, принадлежащих к различным научным школам, следует воспринимать как некую данность, от которой нельзя отмахнуться, если хочется понять, «что движет экономистами, какие ценности они пропагандируют в своих работах, имплицитно или эксплицитно» [20, р. 74].

Вместе с тем интерес представляют люди, которые выступают объектом риторического воздействия, манипулирования. Они могут быть индифферентны к риторическим приемам, но не к риторике как таковой. С учетом этого рассмотрение целесообразно вести по отношению к конкретно выбранной, скажем, либеральной или подлежащей либеральной обработке аудитории. В любом случае, чтобы понять, кто выбранные в качестве объекта воздействия люди, следует ответить, по меньшей мере, на три вопроса: 1) на какой тип личности, 2) на какой тип вне личности (тип общества) и 3) на какой тип внутри личности (тип полушария) рассчитана риторика?

1. *Тип личности*. В реальности в экономической деятельности участвуют различного типа люди. Если свести их к одному из двух типов — человеку экономическому (*homo economicus*, *HE*) и человеку институциональному (*homo institutus*, *HI*), — то можно утверждать, что либеральная риторика направлена, с одной стороны, на укрепление позиций *HE*, а с другой — на эрозию *HI* и его превращение в *HE*. Добиться последнего можно путем выхолащивания институционального наполнения *HI*, как и вытравливания у людей с таким типом личности ощущения историчности. Риторика, направленная на достижение этой цели, вполне оправдана: раз главное отличие *HE* от *HI* состоит в институциональной и исторической аморфности *человека экономического*, то лишение *человека институционального* причастности к институтам и истории может устранить преграды на пути дальнейшей трансформации типа личности — превращения его в *HE* [6].

2. *Тип общества*. Деление современных (государственных) обществ на два типа, где в одном господствуют порядки ограниченного, а в другом — открытого (свободного) доступа, является огрублением реальности. Правда, Норт и др. для уменьшения этого огрубления ввели в рассмотрение различные градации для порядков ограниченного доступа, называемых ими также «естественными» государствами. Но основной их посыл остался неизменным: на смену одним порядкам с неизбежностью должны

прийти новые – порядки открытого доступа. Их риторика этого не скрывает, да и не может скрыть, поскольку они в это верят, как в дважды два четыре. Но это всего лишь вера, пусть и кажущаяся многим истиной. Но риторика современного либерализма направлена на укоренение этой веры, с одной стороны, и на привлечение в свои ряды еще не обретших такую веру людей – с другой.

3. *Тип полушария*. Различия в типах полушария сказываются как на индивидуальном, так и на общественном уровне. Хорошим индикатором здесь может служить язык: одни языки тональны, музыкальны (в смысле ударения), другие характеризуются силовым ударением. Можно с определенной степенью уверенности сказать, что современный либерализм лучше согласуется с силовым ударением, чем с тональным, с европейскими языками, чем с (некоторыми) иными. Иной пример: люди рождаются со склонностями, которые можно идентифицировать как предрасположенность к совершению рыночных действий либо – социальных взаимодействий. На генетику «накладывается специфика социума: в целом западные цивилизации с присущей им двучленной логикой мышления и доминированием в социуме порядков свободного доступа более склонны к экономическим рынкам, восточные (с многозначной логикой и порядками ограниченного доступа), напротив, – к социальным обменным процессам. Речь идет о склонности (вероятности), а не об определенности: западные люди в определенных обстоятельствах могут предпочесть социальные рынки экономическим,

как и наоборот – люди на Востоке могут отдать предпочтение рынкам экономическим, а не традиционным для них социальным» [5, с. 42–43].

Заключительные соображения

Применение риторики является частью научного исследования – в том числе институционально-экономического. Мотивы экономистов, прибегающих к ней, могут быть различными – как в плане оценочном, так и дисциплинарном, и инструментальном. Различной может быть аудитория, на которую призвана воздействовать риторика. Учитывать это обстоятельство также важно, как и принимать во внимание различия в общественном развитии и специфику управления им: «Каждое общество развивается по уникальному сценарию, поэтому для глубокого понимания трансформаций нужно избегать широких обобщений и фокусироваться на осмыслении деталей культурного наследия этого конкретного общества» [16, с. 449].

Признание уникальности развития каждой страны, ненужность, а то и вредность широких, некритических обобщений и, напротив, необходимость осмысления собственного культурного наследия как основы для дальнейшего продвижения – все это может помочь в выработке иммунитета от отрицательного воздействия риторики и в повышении шансов на развитие собственных – вместо копирования чужих – социальных порядков.

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект № 14-18-02948.

Литература

1. Блауг М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют [Текст] / М. Блауг. – М.: НП «Журнал Вопросы экономики», 2004. – 416 с.
2. Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуризации [Текст] / Э. Гидденс. – М.: Академический Проект, 2005. – 528 с.
3. Гэлбрэйт Дж. К. Экономика невинного обмана: правда нашего времени [Текст] / Дж. К. Гэлбрэйт. – М.: Европа, 2009. – 88 с.
4. Ерзнкян Б. А. Постсоциалистическая приватизация и корпоративное управление в свете теоремы Коуза [Текст] / Б. А. Ерзнкян // Вопросы экономики. – 2005. – № 7. – С. 121–135.
5. Ерзнкян Б. А. В пространстве рыночных и нерыночных взаимодействий: индивидуальные, организационные и национальные отличия [Текст] / Б. А. Ерзнкян // Экономическая наука современной России. – 2013. – № 3. – С. 37–58.
6. Ерзнкян Б. А. Институциональные особенности рыночных и нерыночных трансакций / интеракций [Текст] / Б. А. Ерзнкян // Журнал институциональных исследований. – 2013. – Т. 5. – № 4. – С. 58–77.

References

1. Blaug M. The Methodology of Economics, or How Economists Explain. Moscow, NP “Zhurnal Voprosy ekonomiki” Publ., 2004. 416 p. (in Russian)
2. Giddens A. The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration. Moscow, Academic Project Publ., 2005. 528 p. (in Russian)
3. Galbraith J.K. The Economics of Innocent Fraud: Truth for Our Time. Moscow: Europe, 2009. 88 p. (in Russian)
4. Yerznkyan B. Postsovetskaya privatizatsia i korporativnoe upravlenie v svete teoremy Kouza [Post-Soviet privatization and corporate governance in the light of Coase theorem]. *Voprosy ekonomiki* [Questions of economy]. 2005. I. 7, pp. 121–135.
5. Yerznkyan B.H. Vprostranstve rynochnykh i nerynochnykh vzaimodeistviy: individuaknye, organizatsionnye i natsionalnye otlichiya [In the space of market and non-market interactions: individual, organizational and national differences]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii* [Economics of contemporary Russia]. 2013, I. 3, pp. 37–58.
6. Yerznkyan B.H. Institutsionalnye osobennosti rynochnykh i nerynochnykh transaktsii / interaktsii [Institutional features of market and non-market transactions /

7. Ерзнкян Б.А. Анти-институциональная и антиисторическая риторика современного либерализма [Текст] / Б.А. Ерзнкян // Теория и практика институциональных преобразований в России / Сборник научных трудов под ред. Б.А. Ерзнкяна. Вып. 29. – М: ЦЭМИ РАН, 2014. – 170 с. – С. 6–25.
8. Ерзнкян Б.А. Эволюция институтов, социальных структур и кодов [Текст] / Б.А. Ерзнкян // Эволюционная и институциональная экономика: вопросы теории и практики: лекции IV Всероссийской летней школы молодых исследователей эволюционной и институциональной, г. Вологда, 9-12 сентября 2014. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. – 200 с. – С. 110–119.
9. Зарнадзе А.А. Целостная парадигма системы управления и особенности ее институциональной составляющей [Текст] / А.А. Зарнадзе // Теория и практика институциональных преобразований в России : сб. науч. тр. / под ред. Б.А. Ерзнкяна. – М: ЦЭМИ РАН, 2014. – Вып. 30. – 174 с. – С. 65–73.
10. Клейнер Г.Б. Системные принципы современного управления [Текст] / Г.Б. Клейнер // Управление. – 2013. – Т. 2. – № 2. – С. 5–14.
11. Корнаи Я. Путь к свободной экономике: (Страстное слово в защиту экономических преобразований) [Текст] / Я. Корнаи. – М.: Экономика, 1990. – 149 с.
12. Корнаи Я. Инновации и динамизм: взаимосвязь систем и технического прогресса [Текст] / Я. Корнаи // Вопросы экономики. – 2012. – № 4. – С. 4–31.
13. Маевский В.И., Малков С.Ю. Новый взгляд на теорию воспроизводства: монография [Текст] / В.И. Маевский; С.Ю. Малков. – М.: ИНФРА-М, 2014. – 237 с.
14. Маевский В.И., Малков С.Ю. Элементы макроэкономической теории воспроизводства [Текст] / В.И. Маевский; С.Ю. Малков // Эволюция экономической теории: воспроизводство, технология, институты. – СПб.: Алетей, 2015. – 320 с. – С. 227–244.
15. Моисеев Н.Н. Судьба цивилизации. Путь Разума [Текст] / Н.Н. Моисеев. – М.: Изд-во МНЭПУ, 1998. – 205 с.
16. Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки: Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества [Текст] / Д. Норт; Дж. Уоллис, Б. Вайнгаст. – М.: Изд. Института Гайдара, 2011. – 480 с.
17. Расков Д.Е. Экономическая теория как риторика [Текст] / Д.Е. Расков // Вестник СПбГУ. – 2005. – Сер. 5. (Экономика). – Вып. 3. – С. 13–32.
18. Расков Д.Е. Риторика новой институциональной экономической теории [Текст] / Д.Е. Расков // Вопросы экономики. – 2010. – № 5. – С. 81–95.
19. Тамбовцев В. Миф о «культурном коде» в экономических исследованиях [Текст] / В. Тамбовцев // Вопросы экономики. – 2015. – № 12. – С. 85–106.
20. Klamer A. Making Sense of Economists: From Falsification to Rhetoric and Beyond // Journal of Economic Methodology. – 2001. – V. 8. – I. 1. – pp. 69–75.
21. McCloskey D.N. The Rhetoric of Economics // Journal of Economic Literature. – 1982. – V. 21. – I. 2. – pp. 481–517.
- interactions]. *Zhurnal institutsionalnykh issledovaniy* [Journal of Institutional Studies]. 2013, V. 5, I. 4, pp. 58–77.
7. Yerznkyan B.H. Anti-Institutional and Anti-Historical Rhetoric of the Contemporary Liberalism. Theory and Practice of Institutional Reforms in Russia / Collection of scientific works ed. by B.H. Yerznkyan. Issue 29. Moscow, CEMI Russian Academy of Sciences, 2014. 170 p., pp. 6–25.
8. Yerznkyan B.H. Evolutsia institutov, sotsialnykh struktur I kodov [The Evolution of Institutions, Social Structures and Codes]. *Evolutionary and Institutional Economics: Problems of Theory and Practice*. Vologda, ISERT RAS Publ., 2015. 200 p., pp. 110–119.
9. Zarnadze A.A. The Integrative Paradigm of the Governance System and Characteristics of its Institutional Component. Theory and Practice of Institutional Reforms in Russia. Collection of scientific works ed. by B.H. Yerznkyan. Issue 30. Moscow, CEMI Russian Academy of Sciences Publ., 2014. 174 p., pp. 68–77. (in Russian)
10. Kleiner G.B. Sistemnye pritsipi sovremennogo upravleniya [System principles of modern management]. *Upravlenie* [Management]. 2013, V. 2, I. 2, pp. 5–14.
11. Kornai J. The Road to a Free Economy: (A Passionate Pamphlet in the Cause of Economic Transition). Moscow, Ekonomika Publ., 1990. 149 p. (in Russian)
12. Kornai J. Innovatsii I dinamizm: vzaimosvyaz system I tekhnicheskogo progressa [Innovations and dynamism: interlink of systems and technical progress]. *Voprosy ekonomiki* [Questions of economy]. 2012, I. 4, pp. 4–31.
13. Maevsky V.I., Malkov S.Yu. Novy vzglyad na teoriyu vosproizvodstva: Monografiya [A New View on the Reproduction Theory]. Moscow, INFRA-M Publ., 2014. 237 p.
14. Maevsky V.I., Malkov S.Yu. Elementy makroekonomicheskoy teorii vosproizvodstva [Elements of the Macroeconomic Reproduction Theory]. The Evolution of Economic Theory: Economic Reproduction, Technology, Institutions. Saint-Petersburg, Aletheia Publ., 2015. 320 p., pp. 227–244. (in Russian)
15. Moiseev N.N. *Sudba tsivilizatsii: Put razuma* [Fate of civilization. Path of Reason]. Moscow, MNEPU Publ., 1998. – 205 p.
16. North D., Wallis J., Weingast B. Violence and social orders: A conceptual framework for interpreting recorded human history. Moscow, Gaidar Institute Publ., 2011. 480 p. (in Russian)
17. Raskov D.E. Ekonomicheskaya teoria kak ritorika [Economics as rhetoric]. *Vestnik SPbGU*. 2005, Ser. 5. (Economics), I. 3, pp. 13–32.
18. Raskov D. Ritorika novoy institutsionalnoy ekonomiki [Rhetoric of the new institutional economics]. *Voprosy ekonomiki* [Questions of Economy]. 2010, I. 5, pp. 81–95.
19. Tambovtsev V. Mif o “kulturnom kode” v ekonomicheskikh issledovaniakh [Myth of “culture code” in economic studies]. *Voprosy ekonomiki* [Questions of Economy]. 2015, I. 12, pp. 85–106.
20. Klamer A. Making Sense of Economists: From Falsification to Rhetoric and Beyond. Journal of Economic Methodology. 2001. Vol. 8, I. 1, pp. 69–75.
21. McCloskey D.N. The Rhetoric of Economics. Journal of Economic Literature. 1982, Vol. 21, I. 2, pp. 481–517.